

Загадка Жана Бабиле

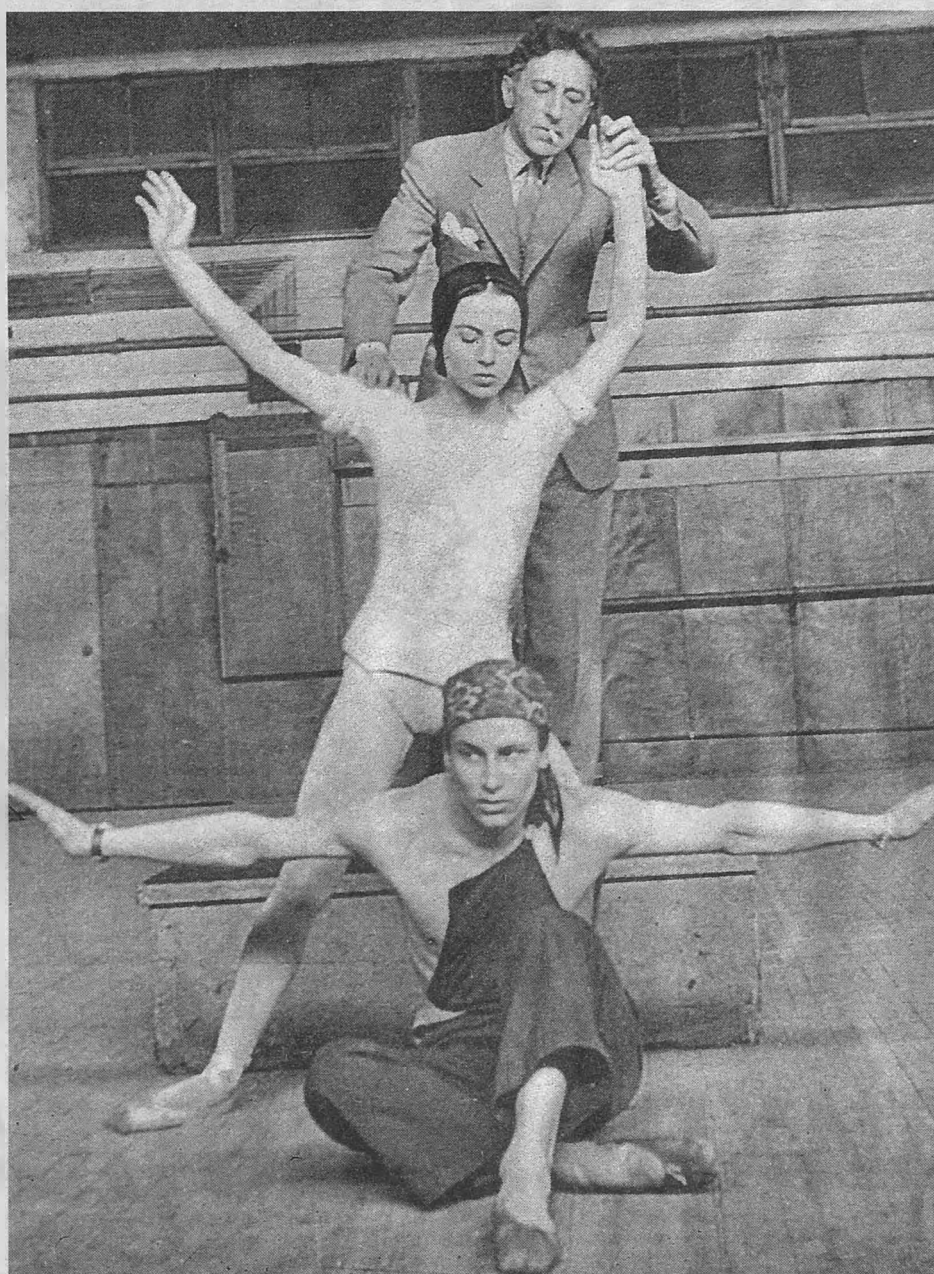
Светлана НАБОРЩИКОВА

Французский культурный центр совместно с Французской синематекой танца продолжил знакомить москвичей с сокровищами родной культуры. Директор синематеки Патрик Бансар уже неоднократно привозил лучшие экземпляры своей коллекции, включающей более 500 000 единиц хранения — от классического балета и этнического танца до мюзик-холла и рекламных клипов. В том числе и уникальную ленту братьев Люмьер — негритянский кей-куок в парижском цирке, чуть ли не первую фиксацию танца на экране.

На этот раз сокровища прибыли не только в виде бобин с пленками, но и в самом что ни на есть живом и бодром виде. Фильмы «Загадка Бабиле» (его в России еще не видели) и «Юноша и смерть» (есть в видеотеке Французского центра) представил их герой Жан Бабиле. Во Франции он давно числится национальным достоянием. Популярность маэстро столь велика, что мсье Бартобас, содержатель знаменитого конного балета, назвал его именем одного из своих чудо-жеребцов. Так они и танцуют, бартобасовские кони — Бабиле, Баланчин, Барышников, Лифарь, Нижинский, Нуреев и примкнувший к ним Пикассо...

82-летнюю гордость французского танца сопровождали молодые друзья — очаровательная девушка-фотограф по имени Запо, устроившая в фойе Школы драматического искусства на Сретенке выставку фотографий своего кумира, и танцовщик Пьер Ламуре, показавший сольный моноспектакль под названием «Конференция птиц». Минималистские, в большинстве своем черно-белые снимки, а также экзотический, с восточно-персидским уклоном спектакль смотрелись достойно, но публика, разумеется, пришла взглянуть на живую легенду. И легенда не обманула, подтвердив старую, как балет, истину: балетные живут не только долго, но и на удивление продуктивно. Об этом не так давно напомнил приятель гостя, 81-летний Ролан Пети, преподавший показательный урок степа в завершение своей авторской программы в Большом театре. Бабиле, не уступающий ему в бодрости, танцевать, правда, не стал. Еще сказываются последствия недавней аварии, где он, лихой мотогощик, превысил скорость и не вписался в поворот. Но фильм о себе смотрел вместе со зрителями, после сеанса оживленно беседовал с поклонниками (на вопрос о смысле творчества отвечать отказался, сказал, что не знает), а особо стойким — время клонилось к ночи — предложил продолжить разговор за стаканчиком вина.

Бабиле действительно есть что рассказывать. Чем он с удовольствием и занимается в фильме Патрика Бансара, на 60 процентов состоящем из разговоров, во многом традиционных для биографических картин. Например, комплименты педагогам — с ними герой, следуя балетному обычаю, ощущает почти мистическую связь («О, этот Князев! Он был сумасшедшим! Русским, естественно...»), или рассказы о партнершах — звездах французского театра и просто любимых женщинах. Но есть и личные темы. В частности, рассуждения о том, что такое стиль («Это что-то неуловимое, какая-то совокупность, на первый взгляд, незначущих деталей») и ода неистребимой тяге к экстремальному. Выясняется, что любовь к риску, заставляющая в столь почтенном возрасте гонять по улицам Парижа, у него в крови. В детстве он обожал рискованные прыжки и повредил позво-

ночник. Для поправки здоровья начал заниматься балетом, да так и втянулся. В балетной школе Парижской оперы, захотев пручить заносчивых одноклассников, вылез в окно и встал на руки на карнизе третьего этажа. Двадцатилетним юнцом бегал смотреть на оббитый американский самолет и чуть не лишился ноги — осколок от только что рухнувшей машины просвистел у него под пяткой.

Его спутником в опасном путешествии был такой же юный Ролан Пети. Тремя годами позже он и дягилевский любимец Жан Кокто поставят для Бабиле балет на музыку Баха, где к бедному художнику является смерть в облике нагловатой проститутки. Гостя доводит хозяина до суицида, а затем ведет освобожденную от брэнной оболочки душу на крыши Монмартра, в сияние неоновой рекламы. Урбанистический триллер, названный «Юноша и смерть», стал главным триумфом танцовщика. После него он станцевал десятки композиций, получил массу премий, но свое юношеское достижение не перекрыл. «Как только я услышал первые такты «Пассакалии», по моему телу пробежала дрожь», — рассказывает Бабиле. Именно так. Лучшего слова для характеристики 15-минутного балета не подберешь. Дрожь возбуждения, страха, отчаяния, полную гибель все-рез молодой Бабиле передает блистательно. Другие исполнители этой роли, включая Барышникова (с ним в фильме он ведет долгие беседы), не смогли сделать ничего подобного.

Впрочем, сделать это, значило бы разгадать загадку Бабиле, что принципиально невозможно. Только личной тайной можно объяснить чудо его метаморфоз, которых в фильме множество. Крошечный, большеголовый,

похожий на обаятельного уродца-Щелкунчика, он с легкостью преобразается в гордо парящих в воздухе красавцев, экальтированных мачо и нервных подростков. Дамы ахают. Специалисты напряженно считают количество оборотов в молниеносных вращениях и вычисляют высоту прыжка. Все бесполезно. Как всякий большой художник, маэстро имеет свою персональную «химию», чья формула известна только ему.

Мсье Бабиле в триллере «Юноша и смерть»